

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я СТАЛ
СМЕРТЕЛЬНЫМ ПЛАМЕНЕМ
ДЛЯ СВОЕГО ГЛУПОГО
МОТЫЛЬКА...

КНИГА 1

ОНА
ПРИНАДЛЕЖИТ ЕМУ
МЭРИ РОЙС

Мэри Ройс

Она принадлежит ему. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67769066

SelfPub; 2022

Аннотация

- Хватит! Отпусти меня! Я больше не хочу быть ее заменой!
- Ты моя жена...
- Жена?! Тогда заяви на меня свои права!
- Осторожней со своими желаниями, девочка.
- Я не виновата, что она умерла! Не виновата, что похожа на нее! С меня хватит, – мой голос срывается на крик. – Если ты не в силах удовлетворить свою жену, я найду того, кто сделает это для меня с удовольствием...

Взвизгиваю, когда его пятерня сжимается вокруг моего горла.

- Не смей больше шантажировать меня этим, – угрожающе произносит он, приближаясь к моему лицу. – Запомни: ты принадлежишь мне...

Эзио Торричели. Глава мафии и мой муж. Не смотрите на его привлекательную улыбку – под ней скрывается настоящий монстр, который разобьет мое сердце. Но я не учла одного: он не отпустит меня и найдет, где бы я от него ни пряталась... ХЭ

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
1	14
2	21
3	35
4	41
5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мэри Ройс

Она принадлежит ему. Книга 1

Пролог

Обвожу губы ядовито красной помадой, после чего медленно скольжу большим пальцем вдоль нижней. Безразлично смотрю на отражение девушки в зеркале, глаза которой похожи на темное стекло. Сегодня они чужие. Единственное, что не под силу скрыть линзам, водопад отчаяния и боли.

– Он не хочет тебя, – пытаюсь укунить сама себя этими словами. – Ты невидимка.

Злясь, что даже сейчас я думаю о муже, резкими движениями закрываю тубик и бросаю его в сумочку.

Ночной клуб «Калипсо» принадлежит мафии. В моем мире все принадлежит мафии. Даже моя жизнь. И так уж вышло, я осведомлена, что в подобных местах люди получают не только свободу от реальности, выпивку и танцы. Стриптиз и особый сервис в вип-комнатах – основа всего, что делает этот клуб лучшим в нашем городе. И, как недавно я узнала, хозяин этого пристанища – мой муж. Поэтому я никогда не

попала бы сюда, не будь на мне парика, линз и брендовых тряпок, едва скрывающих запретные для всех части тела.

Наверное, я всегда была дефектной, раз решила впервые попробовать вкус свободы под носом у самого монстра. И где-то глубоко внутри даже жажду, чтобы он узнал меня.

Вобрав полную грудь воздуха, я напоследок поправляю на голове черный парик-каре, идеально скрывающий цвет моих золотых волос, и под бряканье льда в стакане делаю для храбрости большой глоток виски, купленного мне одним обаятельным незнакомцем.

Он заметил меня раньше, чем я убедила себя, что это глупая затея и мужчины не обращают на меня никакого внимания. Но сегодня, в облике жгучей брюнетки, я разбиваю все свои комплексы в прах. Интересно, как далеко я зайду этим вечером?

Сжав челюсти, еще раз повторяю себе, что поступаю правильно. Если моему мужу не нужно молодое тело жены, я имею право распорядиться им как захочу. Пусть и делаю все это назло ему.

Какой абсурд.

Одним глотком выпиваю остатки золотистой жидкости. Плевать, что внутри все горит огнем, сейчас это определенно то, что мне нужно.

Хочу отключиться от реальности, мыслей, чувств... от собственной жизни. Сегодня я не Филиция. Сегодня я обычная двадцатитрехлетняя девушка, которая пришла повесе-

литься в клуб. К черту синдикат. К черту последствия. Я в отчаянии и мне плевать, даже если эта ночь станет для меня последней. А так и будет, когда мой муж узнает о том, что я сделала.

Вот только вернувшись в бар, своего незнакомца там не обнаруживаю. А вскоре мое небольшое разочарование заглушают басы музыки, доносящейся с танцпола, и новый поклонник.

Просканировав его беглым взглядом, могу предположить, что передо мной бизнесмен или политик, на вскидку лет тридцати пяти-сорока. Об этом говорят его синий костюм от французского модельера, аккуратный маникюр и манера держать бокал с бренди. Меня же он угощает мартини.

И вроде вечер начался отлично, но с каким-то сожалением я признаюсь себе, что ни один, ни второй мужчина не вызывает и толики того, что я получаю под взглядом холодных глаз своего мужа.

Задвигаю неуместные сейчас мысли подальше и пытаюсь сконцентрироваться на собеседнике и улыбаться, слушая его очаровательные комплименты. Все не то. И я убеждаюсь в этом, как только мы оказываемся на танцполе.

Правда, и данный экземпляр исчезает, когда мы направляемся к бару за напитками. Я даже не замечаю, в какой момент тепло от его практически прижимающегося ко мне тела, сменяется холодом.

Посмотрев по сторонам, пожимаю плечами и в гордом

одинокестве усаживаюсь на высокий стул, думая о том, что все это совсем не весело. Напротив. Весьма волнительно, когда незнакомые люди, так жаждущие моей компании, вдруг магическим образом начинают исчезать.

Начав нервничать, я добираюсь до пачки длинных сигарет и, зажав фильтр между пальцев, прикуриваю. Я редко ищу успокоение в никотине, но сегодня знала, что мне потребуются эти волшебные палочки.

Рассматривая людей вокруг, поворачиваю голову влево, в сторону балкона, и так и замираю с сигаретой, поднесенной ко рту. Потому что прямо сейчас сталкиваюсь взглядом с лицом, которое узнаю, даже если у меня случится амнезия.

Этот мужчина непревзойденный во всем. Тотально спокойный. Слишком аристократичный. Слишком расчетливый и безжалостный. Слишком опасный, с холодной и мрачной красотой, а его бледно-голубые глаза – самое что ни на есть греховное проклятье, и они никогда еще не смотрели на меня как на женщину. Сейчас в них кроется маленькая смерть, и я тянусь ей навстречу, как глупый мотылек с израненными крыльями – к языкам бушующего пламени. Еще немного, и этот мотылек исчезнет, обернувшись горсткой пепла. В этом и заключается парадокс. За всю свою жизнь я еще не встречала мужчин, которые заслужили бы и короткого взгляда от меня. Но ему... Ему я готова отдать все, до последнего взмаха ресниц.

С трудом сглатываю и стряхиваю пепел, отчетливо ощу-

щая на себе его странное внимание. И мне не нравится это навязчивое чувство тревоги, которое лишь усиливается с каждой новой затяжкой. Выдыхаю новую струю дыма на кончик сигареты и смотрю, как вспыхивает тлеющий табак. Всегда так делаю. Меня это немного успокаивает, и в конечном счете я расслабляюсь.

Выпрямив плечи, подбадриваю себя тем, что он не раскроет меня под всей этой маскировкой. Это просто невозможно. И, чтобы сбить его с толку, я делаю медленную затяжку, получая особое удовольствие от того, что отравляю себя на его глазах, которые блуждают по моему телу, задерживаясь на местах, не прикрытых скудным одеянием. Именно это заставляет мое сердце предательски затрепетать в груди и нарушить все жизненно важные процессы в организме.

Он на всех девушек так действует? Или это все моя большая любовь?

Потушив сигарету в напитке, я принимаю вызов и, набравшись храбрости, направляюсь в ту часть танцпола, куда обычно заносит на финальной стадии опьянения. Я же, несмотря на выпитый алкоголь, все еще трезва. Знаю, это все адреналин. Но и без допинга я готова на все, чтобы привлечь внимание этих невероятных глаз.

Лишь прохладный шест помогает мне не утонуть в пристальном взгляде Эзио Торричели и слиться с мелодией. Заставить его аквамарины потемнеть, а челюсти прийти в напряжение всего лишь несколькими фривольными движе-

ями практически обнаженных бедер.

Но в какой-то момент каждое вращение тела начинает причинять мне дискомфорт. Разрушать меня. Со мной что-то не так. Определенно. Потому что прямо сейчас я начинаю чувствовать себя глупо во всей этой мишуре.

Что я делаю?

Каждая новая секунда подаренного мне взгляда от мужчины, наблюдающего за мной с балкона, приносит боль. Потому что он смотрит не на меня, а на брюнетку, извивающуюся перед ним, как шлюха. Так он смотрел бы на любую другую. Его внимание сейчас такая же ложь, как и парик на моей голове. Я пришла сюда с целью совершить глупость назло своему мужу, но вместо этого ревную к маске, которую сама же натянула на себя, чтобы скрыться от него.

Я начинаю задыхаться чувством унижения, подаренного самой себе. И даже не понимаю, в какой момент выбегаю из клуба в прохладу ночного воздуха.

Резкий вздох приносит дискомфорт горящим легким. Только мне никак не удается надышаться, и я снова и снова вбираю в себя спасительный кислород, ощущая, как по ногам пробегает нервная дрожь. Дура.

Уловив за собой движения людей в форме охраны, тут же бросаюсь к первому попавшемуся такси и называю ему адрес, всю поездку находясь в каком-то коматозном состоянии, вспоминая, как он смотрел на ту танцующую для него брюнетку. Не на меня. Именно уязвленная гордость вызывает во

мне ярость, и я срываю этот гребаный парик. Я поступила глупо, наивно полагая, что подобное поможет мне забыть о своем муже.

Домой я возвращаюсь за полночь и радуюсь тому, что меня встречает темнота. Но она оживает, когда я закрываю дверь в свою комнату и замечаю в кресле в углу силуэт мужчины, в руках которого тлеет сигарета. Вот же дьявол...

Даже в тусклом освещении я знаю, что его мрачные глаза остановились на парике, зажатом у меня в кулаке. И мне не нужно видеть лицо мужа, чтобы понять, какой опасностью может обернуться моя вольность.

– Скажи мне, – тембр его голоса такой же темный, как и комната. – Скольких ублюдков после сегодняшнего вечера я должен убить?

Он раскусил меня, и от осознания этого мое дыхание ломается.

– Это не их вина, – порывисто вылетает из меня то, что должно было остаться за зубами.

– О, ты ошибаешься, – хмыкает он, поднося к губам дымящуюся сигарету, которая в следующую секунду вспыхивает. – Они трогали то, что принадлежит мне. – Эзио выдыхает облако дыма. – Разве ты их заставляла?

От безысходности я крепче сжимаю парик.

Почему его вообще это волнует?

– Я просто танцевала, – снова нападаю, загнанная в угол голубоглазым охотником. – Я не сделала ничего плохого.

Мне стало скучно в четырех стенах, – обвинения необдуманно сыплются из моего рта, – тебя никогда нет дома! А если и есть, то ты запираешься в своем чертовом кабинете! – перевожу дыхание, но ярость из моего голоса не уходит. – Странно, что ты вообще понял, кто танцевал перед тобой. Ты ведь меня и за женщину не считаешь! Что меня выдало? Ноги? Руки? Губы? Или взгляд, жаждущий твоего внимания? Что?

Эзю медленно затягивается, будто наслаждаясь представлением истеричной жены.

– Мотылек, – отвечает он и одним словом обрубаёт все, что только что разрушало меня.

Сердце, кажется, останавливается, но только для того, чтобы подскочить к горлу.

Какая же я дура! Как я могла забыть о своей татуировке на запястье?

– То, как ты дула на кончик сигареты, – продолжает он шокировать меня своей наблюдательностью, – как стряхивала пепел, как трогала левую мочку уха – ты всегда так делаешь, когда тебе некомфортно.

Какого. Блядь. Хрена?

– Мне продолжать?

Отрицательно качаю головой, пораженная его словами, как самым невероятным открытием во вселенной.

– Ты задумывалась о последствиях, когда решила пойти в клуб? – риторический вопрос, за которым следует строгое предупреждение: – Ты больше не сделаешь ничего подобно-

го, – Эзио лениво тушит сигарету в пепельнице. – Запомни, Филиция, ты моя жена.

– Это лишь формальность... – сипло срывается с моих губ, но я замолкаю, когда он неспешно поднимается с кресла и начинает приближаться ко мне. Выходит из тени во всей своей безупречности.

Я тут же отступаю назад, ненавидя свой проклятый язык. На расстоянии говорить с ним было проще. Но мое бегство заканчивается, когда я врезаюсь спиной в стену, а муж, надвигающийся на меня, отрезает все пути к отступлению.

Мой подбородок попадает в плен его шероховатых пальцев, и я вздрагиваю. Есть что-то в этом незначительном жесте, что требует моего подчинения. И я не могу этому сопротивляться.

– Ты принадлежишь мне, Филиция. Не заставляй меня вбивать это в твою голову другим способом. Каждый сантиметр твоего тела тоже принадлежит мне. И я больше не хочу, чтобы ты давала мне повод напоминать тебе об этом, – большой палец оттягивает мою нижнюю губу, вырывая из груди тихое аханье. – Тебе это не понравится. И мне тоже.

Внезапно он отпускает меня и так резко отстраняется, что мне приходится сильнее вжаться в стену, чтобы не рухнуть. И прежде чем я успеваю отреагировать, Эзио уже выходит из комнаты, оставляя на моей коже ощущение своих пальцев. Он прикоснулся ко мне. Не как обычно. Сегодня он прикоснулся ко мне как к женщине.

Любая другая испугалась бы скрытой во всем этом угрозы. Но только не я. Потому что прямо сейчас я торжествую. Он приревновал меня.

1

Выскользнув из-под одеяла, я решительно направляюсь к двери, даже не утруждаясь накинуть на себя халат, будто боюсь передумать.

После того, как Эзио дал понять, что видит во мне женщину, я не могла перестать думать об этом. Не могла забыть прикосновений, заклеивших мою кожу. И сейчас, наверное, нет ничего, что может меня остановить от стремления вновь испытать это, поэтому в следующее мгновение я уже растворяюсь в темноте коридора.

Он разжег в моей груди проклятую надежду, что у меня все-таки есть шанс получить его. Получить то, что хотела с самой первой встречи с ним.

Слабый свет от монитора ноутбука позволяет мне рассмотреть уставшее лицо мужа, скользнуть взглядом по плотно сжатым губам и острой линии напряженных скул. Открываю дверь шире и вхожу в его кабинет, так и не получив разрешения. Должно быть, он даже не услышал моего стука. Но сегодня мне не нужно его разрешение.

Глупая. Смелая. Как мой мотылек. А Эзио – то самое роковое пламя.

Прикрыв дверь, замечаю неряшливо брошенный в кресло

пиджак и снова перевожу взгляд на мужа, наслаждаясь тем, как восхитительно на его крепком мужском теле сидит белоснежная рубашка, небрежно расстегнутая на верхние пуговицы. А эта кобура на плечах с двумя пистолетами. Господи... это чертовски сексуально. Он вообще знает, как действует на меня?

Не думаю. Складывается ощущение, что у него даже мысли нет о том, чтобы соблазнить молодую жену. По крайней мере, я могу сделать такой вывод потому, что мой муж по-прежнему не заявил на меня свои права, хотя мы женаты уже не первый год.

Я знаю, как устроен наш мир, и какая роль отведена в нем женщинам, но сама, видимо, стану большим исключением. Если продолжу молчать о своих желаниях.

И даже сейчас Эзио сидит за рабочим столом, совершенно не замечая моего присутствия, сконцентрировав все внимание на документах, которые он листает как-то слишком спокойно и размеренно. И это говорит о том, что сейчас ему приходится прикладывать силы, чтобы сохранять это спокойствие.

Я не уверена, что выбрала подходящий момент для соблазнения мужа. Сегодня Эзио окружен греховной тьмой. Вижу это по тому, как напряжены мужские плечи, каким неровным и прерывистым становится его дыхание, а обычно идеально уложенные волосы сейчас взлохмачены, будто он не вставал со своего кожаного кресла неделю.

Сжав выразительные челюсти, он комкает одну из страниц и, бросив ее на стол, откидывается на спинку кресла, утомленно запрокидывая голову. Не глядя, вытряхивает из пачки сигарету и небрежно зажимает фильтр между губ. Сглатывает, прикуривая от зажигалки, и в полумраке вспыхивает оранжевая точка.

Первая затяжка медленная, глубокая, но именно это ему и нравится: смаковать густой дым, который болезненно оседает в недрах легких. Выжигает их горечью. Эзю курит так, будто в этом моменте вся его жизнь. Как и всегда. Я тоже в тайне от него так делаю.

По крайней мере, я считала это тайной до того вечера в клубе.

Но я курила лишь потому, что хотела быть ближе к своему мужу хотя бы с помощью сигареты, представляя, что на моих губах вкус табака не от нее, а от его поцелуя.

Именно эта мысль так и не позволила мне сегодня уснуть.

После того как он прикоснулся ко мне, я слишком ярко загорелась, не заметив, как начала представлять, там, лежа в кровати, каково будет почувствовать его горячее дыхание между ног. Из-за подобных фантазий мое тело до сих пор не покидает странное покалывание, прямо сейчас перерастающее в пульсацию и жажду. Все это переполняет меня, сводит с ума и разжигает мою потребность в нем до критических пределов.

Бог мой, я действительно сгораю от желания, которое еще

никогда не испытывала по-настоящему, но так отчаянно хочу этого, что готова уже капризно захныкать.

Особенно, когда наблюдаю, как тлеет оранжевый кончик сигареты при каждой новой затяжке. Как Эзио вдыхает и выдыхает пар через нос. Как щелчком длинных пальцев стряхивает серый пепел...

Мгновение, и взгляд его бледно-голубых глаз пронзает меня, подобно оголенному лезвию, будто прямо сейчас им проводят по моей коже, отправляя горячий ворох колючих мурашек вниз живота. Ох, черт...

Оступаюсь и нервно облизываю губы, не сразу отдавая себе отчет, как неспешно муж осматривает меня, и я вижу – да, черт возьми, вижу, – как его прозрачные льдины темнеют, напоминая о том, что под моей тонкой сорочкой ничего нет.

Конечно нет, потому что я вылезла из кровати, горя от желания. В тот момент о правилах приличия у меня и мысли не было, да я даже не задумалась о том, что меня мог кто-то увидеть в таком виде. Хотя с чего я решила, что моему мужу есть до этого дело? Однако сейчас, кажется, есть.

С губ срывается тихое аханье, когда я непроизвольно прижимаю ладонь к часто вздымающейся груди в надежде успокоить взбесившееся сердце и случайно задеваю твердеющие соски, которые через секунду обжигает грубоватая ажурная ткань сорочки.

Это мимолетное движение оказывает на меня такой эффект, что я нарочно веду плечами, чтобы вновь испытать

его. А под прицелом властного взгляда это доставляет особое удовольствие.

Сейчас это лучше, намного лучше того, как он смотрел на девушку в клубе. И мне так и хочется закричать ему, что я больше не маленькая девочка. И на меня можно не только смотреть, но и трогать. Намного больше, чем трогать.

И, словно доказывая ему это, я прикусываю нижнюю губу и откровенно заявляю о своей смелости, изящно проводя пальцами между грудей, провоцируя ткань еще больше натянуться на торчащих вершинках.

Сделай это. Трахни меня.

О, Боже... Дрожь пронзает каждую и без того звенящую от напряжения клеточку. Я на пределе своих возможностей.

Ощущения, словно короткие замыкания, прочерчивающие пунктирную линию в другое измерение. Я и раньше прикасалась к себе, но то, что испытываю сейчас, становятся открытием какой-то новой способности чувствовать собственное тело.

Проклятье, мне потребуются колоссальные усилия, чтобы выдержать все и дойти до конца. Получить то, что я заслуживаю. Только боюсь даже представить, что со мной будет, когда Эзио подарит моему изнывающему телу тепло своих рук. Но именно это придает мне решимости и пугает одновременно.

Я задыхаюсь. От одной только мысли об этом.

Я сойду с ума.

Тишина становится невыносимой, пока он скользит царпающим взглядом от моих босых ступней выше, задерживаясь в области бедер, едва прикрытых сорочкой, после чего его острый кадык дергается, и я снова обжигаюсь о холод потемневших аквамаринов, теперь внимательно изучающих мое лицо.

– Почему ты не спишь, Филиция? – спрашивает он, не потрудившись вынуть изо рта сигарету, отчего его сиплый голос становится более низким и сладкой патокой затекает в мое сознание, вынуждая колотящееся в груди сердце замереть. А потом забиться еще быстрее. – Возвращайся в постель. Я приду позже.

Плавным движением длинных пальцев он вынимает изо рта сигарету и позволяет клубу дыма нависнуть над собой серым облаком.

– Ты никогда не приходишь.

На его лице появляется снисходительная усмешка, и он делает новую затяжку.

– Ты слишком крепко спишь, чтобы знать, чем я занимаюсь по ночам, – хрипло выдыхает он вместе с дымом, и, не выпуская меня из-под тяжести своего взгляда, начинает царапать фильтром по нижней губе. Интересно, насколько они мягкие? Это просто издевательство! Бессердечный мерзавец.

– А ты слишком много работаешь и забываешь, что я тоже имею право на твое внимание, – обвинительно бросаю ему,

позволяя решительности расцвести в груди. Не умею я заглаживать вину. Да он и не позволяет, снова отталкивая меня.

– Я босс.

Пошел он!

– А я твоя жена, и ты подтвердил это несколько дней назад в нашей спальне, – приближаюсь к нему и захлопываю ноутбук так быстро, чтобы не дать себе возможности передумать. Отступить поздно. – Думаю, твоя работа сможет хотя бы на полчаса побыть на втором месте.

Эзио мрачно хмыкает, неспешно обводя языком уголок своего рта, когда его взгляд опускается на мою вздымающуюся грудь, и мы оба знаем, что мое возбуждение выдают твердо стоящие соски под тонкой тканью сорочки. Плевать. Мне нечего скрывать. Я честна в своих намерениях. И в подтверждение тому наклоняюсь и, опершись на его широко разведенные бедра ладонями, медленно опускаюсь перед ним на колени.

2

Пронизывающий взгляд мужа на мгновение вспыхивает огнем, но затем он скрывает от меня эту вспышку за безразличием и тушит сигарету в пепельнице. Вот только выпуклость в штанах предаёт своего хозяина. И мне требуется время, чтобы поднять на него взгляд из-под ресниц. Потому что сегодня Эзио меня не игнорирует.

Взволнованно сглатываю, когда начинаю осторожно массировать его крепкие бедра. Не совсем уверенная, что мне делать с эрекцией мужа, неторопливо подбираюсь ближе к паху, задыхаясь смущением и возбуждением одновременно. Я никогда еще не трогала мужчину и не знаю, как правильно действовать, чтобы доставить ему удовольствие. Наверное, поэтому от моей внезапной смелости Эзио приходит в напряжение.

– Ты не знаешь, чего просишь, – предупреждает он ровным голосом, но его кадык дергается.

– Я знаю, чего хочу, – действую осторожно, боясь ступить на территорию, которую он не готов делить со мной. Только каждая секунда близости, которую Эзио мне позволяет почувствовать самой, действует на меня подобно убойной дозе алкоголя, ударившей прямо в мозг. Меня ведет от него. Тело тяжелеет и наливается ноющей истомой. Тело требует его

рук, длинных пальцев, губ... Прикрываю глаза и с трудом сглатываю, так невыносимо хотеть его.

Настолько, что дыхание учащается. Кровь закипает, а низ живота пронзает сладкая боль.

В поисках облегчения я немного ерзаю на месте, ощущая, как мужское дыхание тяжелеет, отчего тонкая ткань моих трусиков становится неумолимо влажной.

Все это слишком...

Не выдержав собственного напряжения, я преодолеваю гребаное смущение и накрываю его выпирающий стояк ладонью. Ох...

Шокированная своей смелостью, я вспыхиваю смущением, но это не мешает мне обвести пальцами бугор.

– Такой твердый...

Желая ощутить больше, я сжимаю мужскую длину сквозь брюки, впервые почувствовав, каким каменным он может быть. Впервые осознав, как его эрекция приятно ощущается под моей ладонью. Снова сжимаю, на этот раз сильнее, и в мою макушку врезается резкий вздох, в ответ на который я издаю жалобный всхлип. Мое маленькое женское эго торжествует.

Но внезапно мои дрожащие пальцы, добравшиеся до пряжки ремня, замирают, потому что Эзио подается вперед, и я дергаюсь назад, вот только его пятерня, властно обхватившая мое горло, не позволяет.

– Не делай того, о чем пожалеешь, мотылек.

Мотылек.

Я не успеваю отреагировать на его слова, как свободной рукой он уже забирается под край моей сорочки, отчего сердце в момент сходит с ума. Я пугаюсь новых ощущений и пытаюсь сдвинуться с места, только ни черта не выходит, а хватка на шее лишь усиливается.

Я переступила черту.

Перевозбужденная происходящим, срываюсь на частые вздохи, пока Эзио пытается меня успокоить, скользя большим пальцем по моему горлу.

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

Он удерживает меня под пристальным взглядом. Я полностью в его власти. В то время как вторая рука мужа коварно подцепляет длинными пальцами резинку трусиков и одним требовательным движением натягивает их так, что они врезаются в звенящий пульсацией бугорок.

Боже...

Часто моргая, я пытаюсь не потерять сознание от неизвестных мне ощущений.

А потом чувствую, как шероховатая подушечка пальца обводит клитор по кругу. Еще раз. И еще. Прямо по мокрым трусикам. Убеждая меня в том, что я мокрая от его прикосновений.

Я задыхаюсь. Это что-то нереальное. Перед глазами все плывет, но я отчетливо вижу две горящие синим пламенем

точки. Это Эзио, он смотрит на меня. Он видит меня. Он чувствует меня. А я, не в силах контролировать реакцию и звуки, вылетающие из моих распахнутых губ, теряюсь в нем.

Давление внизу живота продолжает неумолимо нарастать, как вдруг нежность его прикосновений стирается шлепком резинки трусиков, и я вздрагиваю.

Дрожа, резко втягиваю носом воздух, а потом еще и еще, чувствуя, как начинает кружиться голова.

– Ты не получишь то, чего хочешь, – предупреждает он голосом, от которого у меня мурашки по коже. – Я не занимаюсь любовью, Филиция, я трахаюсь. Грубо и жестко. Снять напряжение – единственное, о чем я думаю в этот момент. А потом просто уйду. Поверь мне, это не то, что тебе нужно. Ни один из нас не получит должного удовлетворения.

Мой рот распахивается в немом крике, как только его зубы смыкаются на моем плече.

Проклятье, от остроты ощущений дыхание окончательно спирает глубоко в груди. А потом я теряю тепло его губ и пальцев, которые напоследок забираются под трусики и скользят по складкам, развратно сообщая мне о том, как неприлично там все мокро.

В этот момент раздается сдавленный мужской рык, после чего я все же остаюсь без внимания мужа, безвозвратно разбиваясь о пустоту, отчаянно разрастающуюся внутри. Лишь хватка на горле еще позволяет мне удержаться в вертикальном положении. И я сама цепляюсь за его руку.

Нет, нет, нет... Останься со мной...

– Почему... почему ты не хочешь меня? – задыхаясь, спрашиваю я. – Почему, Эзио?!

Я снова чувствую, как ужесточается хватка на моей шее, прежде чем он рывком притягивает меня ближе.

– Я хочу, Филиция, в этом и заключается вся проблема, – прорывав эти слова мне на ухо, Эзио отталкивает меня, чтобы подняться, и буквально вылетает из кабинета, громко хлопнув дверью. Но саднящая шея и пульсация между ног не позволяют мне отпустить его.

Твою мать. Сглатываю, все еще чувствуя там его пальцы. И я ненавижу себя за то, что хочу этого вновь. И что значат его слова? Черт возьми. Мне нужны ответы.

Даже не понимаю, в какой момент поднимаюсь на дрожащие ноги и пускаюсь следом за мужем. С меня хватит! Либо все, либо ничего! И мне не приходится долго его искать...

Я застаю Эзио с бокалом виски у камина в гостиной. Во второй руке он крутит дурацкую шахматную фигурку. Терпеть не могу, когда он трогает ее, потому что хочу, чтобы его пальцы принадлежали только мне. Чтобы весь он был моим!

– Какая, к черту, проблема?! – разбиваю тишину сдавленным криком.

Мое появление не становится неожиданностью.

– Ты невыносима, – он прикрывает глаза, сжимая свои восхитительные челюсти.

Ну почему он такой греховно красивый? Я люблю его, да-

же когда ненавижу.

– Может быть, когда ты меня трахнешь, я стану более покладистой?

Усмехнувшись в привычной ему манере, он проводит языком по внутренней стороне нижней губы, прежде чем проткнуть меня безжизненным ледяным взглядом.

– Возвращайся в спальню, Филиция.

Даже мое имя, произнесенное им, становится кубиком льда, раскрошенным у наших ног.

– Я прошу лишь всего навсего выполнить свой супружеский долг! В конце концов, я не просила на себе жениться! Ты сам забрал меня! Сделал пленницей этого проклятого дома, увешанного ее портретами! Для чего?!

– И ты каждый раз заставляешь меня жалеть об этом поступке.

Ублюдок!

Я едва не горю от злости, которую вызвали его слова, а он как ни в чем не бывало принимает идеальными губами к хрустальному краю бокала и делает большой медленный глоток. И это становится последней каплей моего терпения.

Я подлетаю и выбиваю стакан из его рук, отчего тот с треском летит в камин, заставляя огонь резко вспыхнуть, и я испуганно отшатываюсь.

Секунда, и воздух вокруг сгущается от набирающей тяжесть тишины.

Часто дыша, с опаской перевожу взгляд на Эзио и вижу,

как на белоснежной рубашке расплзаются капли алкоголя, такие же стекают по острому краю его напряженных скул, а когда он небрежно собирает их ладонью и стряхивает на пол, мое сердце перестает биться.

– Подойди, – его голос низкий и угрожающий, совершенно не соответствующий его спокойным движениям.

К черты все это! Дурацкая затея!

Разворачиваюсь и пускаюсь прочь, вот только через несколько шагов оказываюсь настигнута и прижата к стене его крепким телом.

Из груди вылетает удушливый полустон.

Даже если бы хотела повернуть голову, чтобы увидеть в его мертвом взгляде то, что успокоило бы меня и подтвердило, что этот мужчина все же что-то испытывает ко мне, не смогу. Потому что мощная пятерня сдавливает мою шею, крепко держа голову прижатой к стене.

– Ты такая упрямая, – вылетающие слова обжигают, когда его губы касаются моей ушной раковины. – Ты уже дважды делала то, что могло навредить тебе. В первый раз ты бы пострадала, если бы во время твоего похода в клуб до тебя добрались Якудза или Братва. Сейчас у нас с ними обостренная ситуация, а твоя беспечность... Ты хоть понимаешь, во что могла угодить твоя маленькая задница? – сдавленный звук или скрип зубов, не выходит разобрать из-за шума в ушах от критичной близости наших тел. – Было очень глупо разгуливать без охраны. – Его дыхание тяжелеет. – Не заставляй

меня сажать тебя на привязь, Филиция.

Гулко выдохнув, он неспешно перебирает пальцами, при этом не ослабляя своей хватки на шее.

– А какой второй раз? – едва ни пишу я от напряжения, потрескивающего между нами.

В ответ мне прилетает хриплая усмешка, а потом я снова чувствую жар его губ возле уха:

– Во второй раз ты могла пострадать от меня. – Пауза. – Перестань провоцировать, потому что то, что скрывается внутри, тебе не понравится. Ты не получишь то, чего хочешь, потому что все это умерло вместе с Мэлл. Я больше не способен любить. Так что перестань пытаться вытащить из меня то, чего нет, Филиция, тебя ждет разочарование.

Беззвучно открываю рот в попытке глотнуть воздуха, но ничего не выходит, потому что горло распирает комок слез и отчаяния. Но, несмотря на это, я вырываюсь из хватки, и на этот раз Эзио отпускает меня.

Отвернувшись, делаю успокаивающий вздох, но он лишь помогает слезам прорваться наружу. Я не безразлична ему. Он может защищать меня от Якудзы, Братвы, кого угодно, но не от себя. Я нуждаюсь в Эзио, однако сегодня сыта им по горло и больше видеть его не хочу.

Тяжело дыша, пытаюсь вернуть самообладание, только его пристальный взгляд, направленный мне в спину, лишает даже этого. Но я не доставлю ему такого удовольствия, он не увидит моих слез. Поэтому так и не оборачиваюсь, когда пус-

каюсь прочь.

Только, как бы сейчас ни злилась на него, мое глупое сердце лишь вспыхивает новым пламенем надежды возродить то, что забрала моя сестра.

Сейчас я похожа на эмоциональную бомбу. Обида, злость, отчаяние и дикое желание просто разрывают меня изнутри. Я сломлена потребностью ощутить это с ним. Подарить ему свой первый раз. Себя.

«Я хочу, Филиция, в этом и заключается вся проблема».

Я прокручиваю эти слова из раза в раз, пока шмыгаю носом и набираю ванну, мечтая найти облегчение своему состоянию. Пытаюсь понять, что сокрыто в них, когда скидываю с себя сорочку и забираюсь в теплую воду. Злюсь на то, что Эзио сам себе противоречит. Но одно я, наверное, поняла.

Я девственница, в этом вся причина? Поэтому он пытается предупредить меня, что не занимается любовью? Потому что знает, что доставит мне боль? Почему он считает, что я хочу заняться любовью? Я так долго его хочу, что готова принять все, что он мне даст.

Возможно, я ошибаюсь и не знаю о чем говорю, но все же. Я хочу этого, хочу, даже несмотря на то, что в гостиной Эзио был груб со мной. Хотя бесспорно я спровоцировала его на эту грубость. Но то, как он прикасался ко мне в кабинете... было исключением.

Такую грубость я готова принимать.

Прикрыв глаза, пытаюсь вспомнить, как он сжимал мое горло в кабинете. То, как он делал это, как водил пальцами по коже... будто заявлял о своей власти над моим дрожащим телом одним только прикосновением.

Почувствовав вновь нарастающее желание, позволяю пальцам найти пульсирующую точку и коснуться ее, вырвав из моей груди тихий стон. Мне нужно получить разрядку, иначе я сойду с ума. И, если мой муж не может обо мне позаботиться, то я могу справиться сама.

Вот только когда ощущаю нависшую над собой тень и распахиваю глаза, тело прошибает мощнейшим разряда тока и парализует. Пальцы замирают на месте, дыхание ломается, и я с неподдельным испугом смотрю на стоящего надо мной мужа, который скорее всего видел все, чем я только что занималась. Я уже собираюсь убрать от себя руку, но Эзио отрицательно качает головой, останавливая меня:

– Продолжай.

Глупое сердце отчаянно бьется о ребра, пока я пытаюсь понять, что имел в виду мой муж.

Продолжать?

Но как?

Странное предвкушение проносится дрожью по телу.

Кажется, его низкий собственнический голос до сих пор разлетается эхом в моей голове. И я не знаю, хватит ли у меня на это духу. Тем более, когда чувствую на физическом уровне исходящее от него волнами напряжение.

Эзио смотрит на меня, блуждая мрачным, даже немного злым взглядом по моему телу, так бесстыдно раскрывшемуся перед ним, но, к великому сожалению совершенно не предпринимает никаких попыток приблизиться. Именно это заставляет чувствовать себя униженной. Думаю, на сегодня мне достаточно позора.

Принимая ошибочное решение, я пытаюсь подняться, чтобы укрыться от разъедающего холодом внимания, но внезапно надо мной нависает Эзио, блокируя. Его руки будто намертво вцепились в края ванной, а этот взгляд убийственных глаз настолько осязаем, что я чувствую на своей коже череду призрачных прикосновений.

И я вновь вижу их в темных льдинах. Искры желания.

Господи, я когда-нибудь узнаю, что творится в этой голове?

– Я хочу, чтобы ты закончила, – произносит он как-то злобно, с намеком на собственничество.

Наверное, поэтому в следующую секунду моя спина снова встречается с прохладным бортиком ванны, и я спускаюсь в воду по грудь, наивно полагая, что она меня укроет.

Убедившись, что я больше не предприму попыток сбежать, Эзио отстраняется и, выпрямив плечи, засовывает руки в карманы брюк.

– Закрой глаза, – прилетает еще одно требование тоном, не терпящим возражений.

Задрожав от невероятного чувства возбуждения, подчи-

няюсь и прикрываю глаза. Но я слишком долго ждала внимания мужа, чтобы добровольно лишиться себя удовольствия видеть его, и сейчас невероятно злюсь. И все же я не решаюсь пойти против слов мужа.

Под дикий стук сердца я веду рукой по подрагивающему животу и, преодолев последнюю преграду в виде смущения, спускаюсь рукой ниже. Прямо туда. Приоткрыв губы, выпускаю слабый стон и над головой раздается резкий вздох. Тут же открываю глаза и успеваю заметить, как на жалкое мгновение вспыхивают льдины Эзио, когда я дергаюсь от собственного прикосновения к чувствительному местечку.

Бог мой, прикусываю губу оттого, что пульсация между ног становится просто невыносимой. Разве можно лишать себя того, как он смотрит, умножая все, что мне дарят мои дрожащие пальцы, в десяток раз? Сотни.

Он будто сам руководит ими, каждый раз задевая нужную точку и вырывая из моей вздымающейся груди стон. Еще. И еще один. С каждой секундой дыхание учащается, а по телу расползаются горящие электрические паутинки, жая меня в самые уязвимые места. Господи... облизываю губы, немного нервно срываясь на частые вздохи.

Пальцы не прекращают порхать вокруг напряженного клитора, разжигая в нем самое настоящее пламя. Клянусь, я чувствую как оно обжигает мои пальцы.

Не знаю, насколько это унижительно, мастурбировать на глазах у мужа, но черт... это слишком хорошо, чтобы оста-

навливаться и думать о моральных принципах. Да у меня и нет сил, чтобы остановиться, я полностью заморожена прекрасным холодным лицом и глазами, которые впервые разделяют со мной мое желание. Которые толкают меня на грань приближающегося оргазма.

Все это так неправильно и правильно одновременно. Я схожу с ума, ощущая, как из самой сердцевины ко мне подбирается огромная нарастающая тяжесть удовольствия. И это становится апогеем всех моих ощущений. Сейчас я не принадлежу себе. Я не узнаю даже эти вырывающиеся из меня хныканья и всхлипы, бесстыдно кричащие о моем наслаждении.

– Вставь в себя палец, Фел, – это был последний жесткий приказ, что коварно добрался до моего затуманенного похотью рассудка, и, сделав так, я взрываюсь на миллион осколков сладострастного, дикого и выжимающего меня до последней капли оргазма. Снова и снова. Я теряюсь в фейерверке ярких вспышек. Извиваюсь и сжимаю свою руку между ног с неудержимой силой. Я одержима собственным оргазмом настолько, что мир исчезает. А когда он возвращается, я разбиваюсь о взгляд Эзио, в котором горит что-то мрачное и темное, даже дикое. На мгновение я неосознанно пугаюсь, но когда мое зрение окончательно восстанавливается, замечаю лишь скрывающуюся за дверью спину мужа.

Тяжело дыша, запускаю дрожащие пальцы в волосы, все еще чувствуя внизу угасающую пульсацию оргазма.

Фел... впервые он произнес мое имя в такой форме. Качаю головой и сглатываю, прикрыв глаза.

Что он со мной делает?

3

Эзио в привычной себе манере сидит в кресле, задумчиво смотря в окно и медленно затягиваясь сигаретой, так, будто расслабляется после отличного секса.

Да, по рассказам сестры, он отлично умеет трахаться, и я чертовски завидовала ей, потому что в его постели должна была быть я, но даже после смерти Мэлл остаюсь в ее тени.

Я здесь! И я жива, черт возьми!

После произошедшего в ванной комнате мы больше не обменялись ни словом. Ни когда я кончила под его контролем, ни когда вернулась в спальню. А сейчас его привычная отстраненность ноет под кожей подобно раздражающей занозе.

Только теперь не получится прикрываться хладнокровной маской, милый, не тогда, когда ты ее потерял, подарив мне за один вечер столько взглядов, сколько я еще в жизни не получала от тебя.

Сегодня я впервые заглянула за пределы непроницаемых стен мужа.

– Сегодня ты почти уложила его на лопатки, Фили, – воспевают мой внутренний голос, и я позволяю прежней тревоге спуститься на пару ступенек ниже.

Не знаю, сколько времени я наблюдаю за Эзио в отраже-

нии зеркала, вода по своим светлым волосам гребнем, но он курит как минимум третью сигарету.

Мне кажется, мои легкие уже пропитаны черной смолой, отравлены точно так же, как и у хозяина этого дома. Потому что этот ритуал он проводит ежедневно перед сном прямо в нашей спальне, вот только никогда не остается после, как поступил бы любой нормальный супруг.

Но сегодня... Может быть, сегодня девушка в кружевном пеньюаре не останется одна в этой огромной постели? Я ведь уже рискнула ступить на территорию, которая была под запретом для всех, кроме нее. Он и сам нарушил границы, когда вошел в ванную.

Интересно, он смотрел на меня потому, что представлял ее?

Господи, хватит, Филиция...

Делаю успокаивающий вдох, убеждая себя, что ревновать к призраку сестры глупо.

Однако я ревную с того самого момента, как он выбрал ее, а не меня. И плевать, что я была младше. Я влюбилась в него, когда эти голубые глаза впервые обожгли меня равнодушным взглядом, навсегда оставив на сердце клеймо.

Не желая больше думать, я провожу пальцами по приоткрытым губам, спускаюсь к подбородку, чувственно скольжу вниз по шее и прикрываю глаза, мечтая вновь ощутить на месте своих пальцев его руки, но понимание, что я быстрее сама себя придушу, чем моя мечта исполнится, наполняет

меня отчаянной яростью, поэтому резко опускаю руки, царапая по коже ногтями и оставляя горящие красные полосы.

Только я не чувствую боли, кажется, в такие моменты ее просто-напросто не существует, ведь вместо меня давно осталась лишь пустая оболочка, напичканная иглами равнодушия собственного мужа. Мое сердце еще бьется, но он делает все, чтобы я ощущала себя самым одиноким призраком на свете.

Такое ощущение, что произошедшее в кабинете лишь мутный сон, и я больше никогда не почувствую его прикосновений. Иначе как объяснить поведение Эзио в ванной?

Я лежала перед ним абсолютно голая. Трогала себя и дрожала под его пристальным вниманием. Неужели у него не возникло зудящего желания присоединиться к моим пальцам?

Боже... Качаю головой, желая избавиться от бесполезных мыслей, пока мой взгляд снова не сосредотачивается на Эзио.

Мне нравится наблюдать за ним. Это как любоваться произведением искусства – наверное, только так можно охарактеризовать его в уединении неслышных мне мыслей и в компании сигареты.

Но не в силах больше выносить разъедающей тишины и холодного молчания, я все же поднимаюсь с пуфика и твердой походкой устремляюсь к Эзио.

Будто сама у себя забираю возможность передумать, по-

тому что с каждым шагом теряю уверенность в том, что у меня хватит на это духу.

К черту все эти уроки соблазнения, томные взгляды, приоткрытые губы, виляния бедрами и прочую хрень, которую я ежедневно использую в отчаянных попытках привлечь внимание мужа. Кажется, я уже схожу с ума от этой борьбы, где мне никогда не одержать победы.

За все эти годы я перепробовала все, что только возможно, чтобы Эзио меня заметил. Даже импотент бы, наверное, излечился. Вот только мой муж не импотент, он просто ослеп в день смерти моей сестры, и надежда на то, что этот мужчина когда-нибудь прозреет и сможет разглядеть во мне женщину, желающую его ласки, меркнет, как звезды на небе в полном сиянии луны.

И я ненавижу себя за то, что продолжаю его любить. Продолжаю хотеть и добиваться своей цели. Но ведь сегодня одна звезда надежды все же зажглась. И я так не хочу, чтобы она вновь угасла. Поэтому, если для этого мне потребуется каждый раз провоцировать его, я готова...

– Посмотри на меня, – мой дрожащий голос едва громче шепота, зато его молчание громче крика. – Эзио... – Челюсти пульсируют от того, с какой силой я сжимаю их в унисон с кулаками. – Посмотри на меня!

Посмотри на меня. Прикоснись ко мне. Заметь меня. Я здесь. Я живая... Я твоя...

– Ложись спать, Филиция, сегодня был тяжелый день, –

тихо предупреждает он, снова делая вид, что я невидимка. Призрак, не более.

Но ведь это ложь? Для чего он продолжает верить в это? Зачем каждый раз сбрасывает меня с обрыва своего внимания, вынуждая разбиваться на осколки, хотя я думала, что разбиваться больше нечему. Только теперь, после того, как я по-настоящему почувствовала его, меня это действительно убивает. Не знаю, сколько еще смогу выдерживать его холод и собственный голод по любимому мужчине.

Сглатываю волнение и, наплевав на все, забираюсь к нему на колени. Всего за одно жалкое мгновение Эзео сжимает челюсти и обжигает меня холодом своих полупрозрачных глаз.

Испугавшись глупого поступка, а точнее его последствий, тут же прячу лицо у него на груди. Я не вынесу, если он в сотый раз оттолкнет меня. Погибну, если вновь окажусь отвергнутой. А напряжение, охватившее мужское тело, не предвещает ничего хорошего. Оно будто короткими волнами пробирается мне под кожу. Пугает и в то же время позволяет почувствовать его. Хотя бы так.

– Сколько ты еще будешь мучить меня? – шепчу ему в шею, невесомо касаясь губами пульсирующей венки и одновременно растворяясь в мужском запахе, исходящем от его кожи.

У него он особенный. Изысканный. Эксклюзивный. Любимый. С пронзительными нотками древесины, табака и крови. А если вдохнуть поглубже, ты утонешь совершенно

в другом аромате, тебя будто обволакивает, волнует и манит чистейший океан. Вот только увидеть его океан не под силу никому. Для всех он опасный гангстер, убийца и псих. Для всех, но только меня никогда не отталкивало подобное.

Дефектная. В который раз убеждаюсь.

Отстранившись от мужа, я снова встречаюсь с его непроцеваемым взглядом и, кажется, покрываюсь изнутри коркой льда, однако отступить желания так и не возникает.

Напротив.

Я хочу еще.

Я еще никогда в жизни не была так близка к этому мужчине. Адреналин буквально рассекает собственные вены, вынуждая сгорать от восхитительного возбуждения, из-за которого мне приходится сжать бедра, чтобы заглушить нарастающую пульсацию между ног. Сидя у него на коленях, ощущая грубую ткань мужских брюк, она кажется невыносимой.

4

Дрожащими пальцами я нахожу завязочки на пеньюаре и медленно тяну за один конец, позволяя шелку соскользнуть к моим бедрам, а прохладному воздуху коснуться обнаженной груди, откуда мгновенно вылетает тихое аханье.

Черт возьми, он еще даже не посмотрел и тем более не прикоснулся ко мне, а я уже задыхаюсь. Особенно когда его глаза неспешно опускаются ниже моего лица.

Секунда, две, три... Я практически не дышу, чувствуя, как Эзио исследует меня своими льдистыми глазами, но мне хватает этой пары мгновений, чтобы соски болезненно затвердели и вытянулись под потемневшим взглядом. И я торжествую, потому что эта темнота становится еще глубже, когда он задерживается на моей груди неожиданно дольше, чем когда-либо раньше.

Я осторожно забираю из его пальцев тлеющую сигарету и, сделав затяжку, тушу ее в пепельнице, ощущая на себе странное, почти осязаемое внимание.

Приближаюсь к губам мужа и медленно выдыхаю в них струйку серого дыма. Мгновение Эзио бездействует, но потом все-таки приоткрывает рот, делая глубокий вдох.

От передозировки головокружительных эмоций я совершенно не ощущаю страха. Хотя стоит признаться, у меня нет

уверенности в правильности своих действий. Потому что я не знаю, на какую территорию захожу сейчас и как далеко мне позволят это сделать. Но провокация – единственное, что мне осталось. И, если и эта попытка окажется тщетной, мне придется убить все, что я столько лет пыталась нести в одиночку. Убить часть себя. Свою любовь к хладнокровному монстру.

Однако Эзио по-прежнему не прикасается ко мне, и от горькой обиды у меня спирает дыхание.

– Зачем ты женился на мне? – в носу начинает предательски щипать, и теперь мне хочется исчезнуть. Потому что я чувствую себя жалкой. Пустой и ненужной. – Если ты не в силах удовлетворить свою жену, я найду того, кто сделает это для меня с удовольствием, – раздраженно выталкиваю из себя каждое слово, абсолютно не отдавая отчет своим действиям, и принимаю попытку слезть с его коленей, но мужская ладонь на пояснице грубо вжимает меня в твердую грудь.

Дыхание вмиг ломается, и я с трудом удерживаю себя от того, чтобы не растечься лужицей от блаженства.

Вот только это лишь до того момента, пока Эзио не находит мои глаза своими и не берет их под фокус жестокого взгляда. Что-то изменилось в его лице. Только у меня не получается понять, что именно.

– Не смей больше шантажировать меня этим, – спокойно произносит он, но я улавливаю в его тоне что-то собственническое. – Запомни: ты принадлежишь мне...

– Тогда прекрати меня игнорировать, заяви на меня свои права! Сделай своей! – яростно сминая белоснежную рубашку на его груди. – Я твоя жена, я здесь, я живая, – мои губы так близко к его, что становится сложно дышать. – И я люблю тебя, Эзио. – Касаюсь их, и внутри все болезненно сжимается, потому что ощущаю, как его челюсти напрягаются. – Прошу тебя, отпусти ее. Останься со мной... – Продолжаю отчаянно целовать безответные губы. – Пожалуйста, Эзио, я хочу жить. Прикоснись ко мне...

Внезапно на затылке вспыхивает боль, а потом Эзио тянет мою голову назад, чтобы снова обжечь льдом своего взгляда. Я не чувствую исходящих от него эмоций, нет, но могу их распознать. Я все эти годы была клещом у него под кожей, слишком хорошо знаю этого мужчину, и мне не нравится то, что вижу в его взгляде.

– Твой отец мертв, – чеканит он, позволяя злой эмоции проскользнуть в своем голосе, а у меня желудок сжимается от услышанного. – Я его убил, – с каким-то торжеством произносит он, прежде чем нападает на мои губы в грубом поцелуе, разрушая все мои сказочные ожидания этого момента.

От безумия, проникающего лезвием под кожу, я даже не в силах противостоять ему, но, в отличие от меня, Эзио и не пытается быть аккуратным. Берет то, что по праву его, не давая мне оправиться от удара, которого я совершенно не ожидала. И прямо сейчас этот мужчина так грубо меня целует, что заставляет почувствовать вкус собственной крови

на языке, а когда его свободная рука вторгается между моих дрожащих ног, за ничтожные секунды делая меня влажной, мозг заплывает за пределы разумного.

– Ты все еще хочешь меня, Филиция? – рычит он мне в рот и снова затыкает его жестоким поцелуем, а потом рывком поднимается со мной с места и уже через мгновение кидает меня на кровать, выбивая из легких воздух. – На этой кровати я трахал твою сестру. Хочешь предоставить мне возможность повторить это? – Эзио делает шаг, но я тут же отползаю на другой конец кровати, едва балансируя на грани потери контроля. – Не смей говорить о ней, ясно?!

С меня хватит!

Я вскакиваю на кровати, яростно сжимая кулаки. Мое сердце так колотится, будто врежется в ребра, а глаза застилает колючей пеленой слез, но Эзио не увидит их.

– Она мертва!

– Закрой рот, Филиция, – с предупреждением цедит он, уже теряя контроль, но я слишком устала и обижена, чтобы переживать о последствиях. Резкими движениями натягиваю ленточки пеньюара обратно на плечи и делаю шаг вперед, пошатываясь на кровати.

– Я не виновата, что она умерла! Не виновата, что похожа на нее! Ты так на этом зациклен, что совершенно не замечаешь, насколько жесток со мной. С меня хватит, Эзио! Хватит! Меня уже тошнит от твоих страданий! Я живая и хочу жить! Но если ты и вправду убил моего отца, – тычу в него

пальцем. – Если это правда, клянусь, Эзио, клянусь тебе, ты больше никогда меня не увидишь, я сделаю все для этого, даже если мне придется сдох...

Не успеваю договорить, как он одним рывком хватает меня за лодыжку и укладывает на спину, тут же нависая надо мной грозной тенью.

– Ну давай, убей меня! – рявкаю ему прямо в лицо, вынуждая мужа заледенеть надо мной. – Я устала соревноваться с Мелоди... закончи уже все это дерьмо, – голос срывается на шепот. – Если не можешь отпустить ее, отпусти меня.

Эзио отшатывается и со стоном взъерошивает пальцами идеальную копну волос в попытке совладать с собой. Но в итоге голубые глаза окончательно завлакивает пугающая темнота злости и чего-то еще, этот калейдоскоп эмоций буквально отравляет каждую молекулу кислорода вокруг нас. Его дыхание становится шумным, едва ли не рычащим, но сейчас я смотрю на него, ликуя оттого, что высказала все, что он заслуживает.

И это лишь первый мой удар.

В любви нет ничего справедливого. Как оказалось. И мне больше не стоит забывать об этом.

5

Мне надоело отбивать колени перед своей глупой любовью. Сегодня все изменится. Я больше не буду пленницей ни этой комнаты, ни этого дома.

Именно с такими мыслями я встречаю первые лучи солнца в привычном одиночестве.

После вчерашнего скандала я больше не видела Эзио. Скандала. А вчера был именно он. И сейчас я задаюсь вопросом, почему столько лет терпела и лишала себя такого удовольствия.

На мгновение я даже испугалась собственной жестокости, но успокоила себя тем, что именно этот мужчина спровоцировал подобную реакцию.

Он убивал меня молчанием и бездействием, а я – словами. О да, порой они сильнее любого оружия.

И сегодня ночью одно из них я вонзила туда, где должно было быть сердце моего мужа.

Под звон торжествующих мыслей я нервно сжимаю телефон в ладони, все еще не решаясь позвонить отцу. У нас, скажем так, немного испортились отношения после того, как он снова отправил моего двоюродного брата в реабилитационный центр.

Конечно, Майкл сложный человек, но, каждый раз уезжая

туда, он возвращается еще большим психом. И меня не могло подобное не волновать.

В детстве мы были с ним очень близки, и, если он и проявлял жестокость к другим, то только не ко мне. А теперь я испытываю чувство вины, что не в силах защитить его от своего отца, ведь, несмотря ни на что, я люблю Майкла. Хотя порой это действительно сложно.

Да и к тому же, если бы Эзио убил моего отца, этим уже пестрели бы все новостные ленты. Я же, полистав самые популярные, не нашла о нем ничего, кроме упоминаний о дорожной яхте, купленной в подарок мэру ко дню рождения. Мой отец всегда был щедр к политикам и власть имущим, потому что они потом платили ему той же монетой, закрывая глаза на весь его нелегальный бизнес.

Если мой муж решил оттолкнуть меня подобной ложью, то стоит его расстроить – неудачный вариант.

Другое дело Мэлл.

Какое право он вообще имеет запрещать мне говорить о покойной сестре?

Но больше всего меня задело упоминание о том, что он трахал ее в постели, где все эти годы в полном одиночестве спала я. Этот ублюдок определенно знает, как причинить боль, потому что, задев мой старый синяк, он превратил его в ссадину.

И только контрастный душ помогает мне успокоить кипящие внутри эмоции, после чего я уже удивительно спокойно

сизу перед дамским столиком и убираю волосы в хвост. И даже делаю себе макияж. Нет, я люблю красиво выглядеть и обожаю следить за модой, но подобные искушения я себе позволяла, только когда Эзио отпускал меня навестить отца.

Домой в Штаты

Там я могла быть той, кем являюсь: веселой, смелой и дерзкой девушкой, любящей жизнь. Здесь же подобное я использовала в крайних мерах. И то, лишь для того, чтобы привлечь внимание мужа.

И каково же было мое разочарование, когда мне не доставалось и толики желаемого. Поэтому, как правило, в стенах этого дома у меня не было необходимости прихорашиваться. За исключением публичного выхода в свет, которого требовало положение мужа.

Однако сегодня я проснулась с отчетливым желанием жить по-другому. Жить так, как мне этого хочется. К черту, Эзио. Впервые за много лет я чувствую, что делаю что-то правильное. Правильное для себя. Я даже платье выбираю, которое мой муж когда-то обозвал вульгарным из-за смелого декольте. Но у меня твердая двоечка, и ничего вульгарного и близко нет. Может быть, для пышных форм, вываливающихся из декольте, это и прозвучало бы справедливо, но в моем случае все смотрится гармонично, даже без белья.

Завершив сборы, я в полной боевой готовности спускаюсь на кухню, прекрасно зная о том, что в это время завтракает Эзио. В одиночестве, которое я впервые намерена нарушить.

Я его жена, и это и мой дом тоже. Сколько можно прятаться в тени?

Звук цокающих каблучков вторит моему сильному сердцебиению. Конечно же я волнуюсь. После вчерашнего срыва Эзио не знаю, какая встреча меня ждет, но и бояться я устала.

Черт бы его побрал! Он даже за завтраком держится так, будто каждый вошедший должен упасть перед ним на колени. Заметив мое присутствие, Эзио теряет интерес к чашке кофе и, не моргая, несколько долгих секунд наблюдает за моей уверенной походкой. Еще немного, и споткнусь о его жесткий пристальный взгляд. Но, несмотря на опасность, витающую в воздухе, я целенаправленно вторгаюсь в его личное пространство.

– Доброе утро, – как можно равнодушной бросаю я, отодвигая стул и усаживаясь по правую сторону от мужа.

Не глядя на него, беру салфетку, расправляю ее на коленях и взглядом нахожу прислугу, давая понять, что сегодня завтрак накрывать нужно на двоих.

Замешкавшись, парень испуганно бросает взгляд на Эзио, но тот, в свою очередь, смотрит в упор на меня. Я чувствую это по характерным ледяным иглам, протыкающим мою щеку с левой стороны.

Сглатываю, но не подаю вида, что меня это волнует. И извиняться я тоже не собираюсь, если он этого ждет. Или, может, я должна разрешения спросить позавтракать с ним?

Но мои мысленные метания обрывает короткий жест руки Эзио, и только после этого спустя пару минут я получаю свои приборы и завтрак. Как великодушно с его стороны.

Делаю глубокий вдох, прежде чем в полнейшей тишине приступить к трапезе, но слишком быстро сдаюсь. Это невыносимо. Фигура слева совершенно неподвижна и, уверена, все еще смотрит на меня. Почему нельзя меня проигнорировать, как обычно? Сегодня я на это согласна.

Положив приборы на стол, перевожу сдержанный взгляд на Эзио. Но сталкиваюсь с его зловещей однобокой ухмылкой, которая посылает мне мрачную угрозу и обещание войны. А исходящее от него могущество пробирается мне под кожу колючими разрядами. Черт возьми, это все усложняет. Может быть, мой мозг и решил отключиться от чувств к Эзио, вот только мое тело все еще жаждет этого мужчину. Наверное, поэтому я смотрю на его выразительные, хорошо очерченные губы значительно дольше, чем должна.

Прекрати пялиться на них, Фили.

В конце концов, они оказались не такими мягкими, как ты мечтала. Вчерашний поцелуй разбил все мои наивные представления о нашем первом разе. Он бессердечно украл мою мечту и растоптал ее у моих же ног.

И все же я буду лгуньей, если скажу, что мне не понравился этот поцелуй. Он был другой. Не такой, как я себе представляла, но, что и требовалось доказать, я готова принимать от него даже грубость. Потому что в ней он настоящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.